

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Исследуя переходный период

М. КИВИНЕН, Ю. НИКУЛА

Версия первая

Революции, пронесшиеся по Центрально-Восточной Европе в 1989 г., и крах Советского Союза в 1991 г. отражают два наиболее значимых переломных момента современной истории. Мир перестал делиться надвое, и дальнейший курс общественного развития отныне стал очевидным для всех: каждый сделал свой выбор в пользу рыночной экономики, демократии и правового государства.

События поздних 1980-х годов открыли новые двери странам Центрально-Восточной Европы, которые в течение длительного периода оставались для них закрытыми вследствие диктатуры Советского Союза и социалистической системы. Многие отреагировали на эту возможность сразу, взяв курс на ускоренный экономический рост с проведением соответствующих реформ по стабилизации, дерегулированию и приватизации экономики [Sutela 1994; Åslund 1993].

Практически сразу из общей тенденции выпали два заметных исключения: Россия и Украина, которые при своих богатых природных ресурсах и объемах экономики, должны были стать наиболее сильными звеньями в возникшей цепочке. На практике России быстрее остальных удалось провести приватизацию, однако провалившаяся стабилизация и отсутствие последовательности в экономической политике привели к увеличению масштабов бартерных отношений и виртуальной экономики. Кризис достиг своего апогея в августе 1998 г., разразившись девальвацией рубля и фактическим банкротством правительства. Тем не менее после девальвации российская экономика сумела продемонстрировать заметный рост, и траектория «перехода» в итоге сменилась на положительную. Все это время Украина следовала тем же курсом, почти не отставая от своего соседа. Однако несмотря на то что правовая обеспеченность многих процедур и уровень развития банковского сектора в России оставляют желать лучшего, ее экономика является на сегодняшний день самой динамично растущей в Европе [Gaidar 2002].

Что касается изменений в социальной структуре, то одним из наиболее важных результатов переходного периода можно считать рост средних слоев.

С упразднением принципа социалистического уравнивания появились материальные стимулы для работы с максимальной самоотдачей. В условиях дифференциации доходов, достигшей уровня западных стран, выгодными стали инвестиции в собственное образование и образование детей.

Изменения в политической сфере коснулись партийного устройства: государства перешли на многопартийную систему. И, несмотря на то, что партии продолжают сменять друг друга в парламентах завидными темпами, в большинстве «переходных» стран существует законная оппозиция, которая играет по общим правилам [Henderson, Robinson 1997]. Спонсируемые ЕС и прочие программы помогли государствам избавиться от советского бюрократического рационализма и освоить принципы экономической эффективности, ориентированности на результат.

Действительность все еще представляется довольно суровой, однако постоянно открываются и новые возможности. Так, например, количество людей, владеющих автомобилями, в Центрально-Восточной Европе увеличилось в несколько раз. Ассортимент продуктов в магазинах сравнялся с западным. Несмотря на то что старое поколение все еще тоскует по прошлому и государственной поддержке, молодежь уже приспособилась к новым условиям. Она уже освоила ценности рыночной экономики и готова стать творцом собственной судьбы.

Версия вторая

С крахом социализма десятки миллионов людей в России и Центрально-Восточной Европе почувствовали себя брошенными. После 1991 г. все, что было создано и достигнуто в Советском Союзе и странах его блока, было полностью разрушено. Экономическая опора страны, обладавшей колоссальным промышленным потенциалом, оказалась сломленной. А на ее территории с помощью советов и рекомендаций западных экспертов так и не удалось построить эффективную рыночную экономику и демократию [Cohen 2001]. Уже на протяжении двадцати лет восточноевропейские страны остаются застрявшими на периферии Европы.

В большинстве стран к тяжелым последствиям привела либерализация цен, которая вызвала появление большого числа бедных и рост социального неравенства [World Bank 2000; Shorrocks, Kolenikov 2001]. Вследствие наплыва огромного количества импортных товаров местное производство так и не смогло встать на ноги. Новые товары длительного пользования оказались попросту недоступными для населения, у некоторых едва хватало денег на покупку одежды. Годами люди продолжали пользоваться телевизорами, стиральными машинами и холодильниками, приобретенными еще в советское время, ходили в одежде брежневских времен. Неудивительно, что характерной чертой переходного периода для многих стала нищета [Lane 2002].

Изменения в структуре общества имели и противоположную направленность: в процессе приватизации бывшие номенклатурные директора сумели завладеть многочисленными фабриками и заводами [Clarke, Kabalina 1994]. В результате сформировался новый класс невероятно богатых предпринимателей, чей образ жизни был максимально отдален от условий существования простых людей. В то же время образованные представители среднего класса едва сводят концы

с концами, если не пребывают в полной нищете. Многим из них приходится трудиться на двух работах. Академики вынуждены подрабатывать по ночам частным извозом. В результате масштабной утечки мозгов от миллионной армии ученых бывшего Советского Союза осталось не более 400 000. Многие университеты до сих пор пребывают в состоянии обветшания, резко упал уровень образования.

Несмотря на растущее количество политических партий, общественный интерес к политике гаснет. Доминирующая российская партия практически таковой не является, поскольку в ней отсутствует надлежащая организация, нет прочных членских связей. Правовые механизмы оказались недееспособными. В большинстве стран Восточной Европы коммунисты, по крайней мере, один раз возвращались во власть через народные выборы, однако в перспективе все это выглядит достаточно уныло [Kagarlitsky, Clarke 2002].

Обществом завладели бесперспективность и падение общественных нравов. Серьезное опасение начинает внушать разгул криминала. Система здравоохранения сильно деградировала, особенно в России, где резко сокращается средняя продолжительность жизни.

Откуда и куда?

Обе представленные точки зрения можно довольно часто встретить в газетах, научной литературе и в повседневных беседах. Являются ли данные версии одного и того же исторического феномена настолько взаимоисключающими? Какая из них имеет под собой эмпирическое подтверждение? И не должны ли мы по прошествии десяти лет располагать вполне надежной теорией, исчерпывающим представлением о «переходе», его природе и направленности?

В среде исследователей нередко встречаются попытки путем подмены терминологии избежать решения спорных вопросов, связанных с переходным периодом. Как правило, в таких случаях речь намеренно заходит о процессе трансформации. На практике само понятие «перехода»¹ накладывает определенные ограничения на его использование.

Исследуя концепцию общества в Скандинавии, П. Кеттунен охарактеризовал относящиеся к ней государства как продукты так называемого *good circle*² [Kettunen 2001]. Ключевой предпосылкой для развития скандинавской модели государства всеобщего благосостояния стала точка зрения, в соответствии с которой сочетание интересов различных социальных классов являлось необходимым и возможным; кроме того, признавалось, что улучшение благосостояния одного из этих классов не должно происходить за счет ухудшения другого. Этот взгляд нашел конкретное применение в национальной практике коллективных трудовых договоров и политических коалиций между социально-демократи-

¹ Для обозначения привычного для России понятия «переходный период» М. Кивинен использует понятие «переход».

² Мы намеренно избегаем перевода авторского термина на русский язык, поскольку он не имеет устоявшейся интерпретации. В используемом контексте — *good circle* — это название, которое финские социологи употребляют для обозначения группы развитых скандинавских государств благосостояния. — Примеч. переводчика.

ческой и крестьянской партиями, объединенных под флагом общих ценностей: эффективности, солидарности и равенства. Скандинавии удалось успешно сочетать три кардинально различных идеологии: дух капитализма, утопию социализма и идею о свободном земледельце. И если история развития Скандинавских стран — это прежде всего сложная история взаимоотношений и поиска точек соприкосновения трех сильных интересов, то что можно сказать о современных «переходных» обществах?

Утопия социализма

На сегодняшний день выделяются 27 «переходных» обществ (Табл. 1, [*Salminen, Temmes 2000*]), каждое из которых имеет свою историю и ряд специфических культурных особенностей. В то же время всех их объединяет общее прошлое, которое условно можно отнести к периоду советского социализма. Но что это было за прошлое? Тогда как скандинавская социальная демократия сумела доказать и успешно доказывает возможность сочетания классовых интересов и поиск соответствующих компромиссов, в случае с российским коммунизмом это представлялось нереальным. В соответствии с ним классовые интересы являлись абсолютно взаимоисключающими. Несмотря на то что идеология советского коммунизма также основывалась на принципах эффективности, солидарности и равенства, ей была свойственна классовая вражда, в соответствии с которой в социалистическом обществе единственным полноправным агентом признавался только рабочий класс.

В XIX в. Россия представляла собой страну множества утопий, которые существовали и возникали не просто в виде отдельных теорий: они получили развитие в фольклоре, религии и литературе. Некоторые также находили себе применение в быту и общественной жизни [*Stites 1989*]. В народных крестьянских массах преобладали свои утопии, которые определяли крайне негативное восприятие их приверженцами процессов урбанизации и индустриализации; вмешательство в их традиционный уклад со стороны государства, евреев и иностранцев рассматривалось как потенциальная угроза. Само государство, в свою очередь, воплощало собственные утопии, согласно которым были расчерчены и поделены необъятные просторы российских степей и поставлено в подчинение армии крестьянство. Панегирическая утопия отражена в архитектуре российских городов, планировка которых разрабатывалась с учетом военных целей.

Поляризованное представление о сущности бытия было свойственно даже для русского православия, отделявшего жизнь духовную от жизни земной [*Lotman*]. Схожая двойственность отражена и в утопиях различных социальных классов, в которых одни интересы оказываются враждебными по отношению к другим и не могут быть согласованы путем поиска соответствующего компромисса. Важное свойство российской культуры в данном контексте — непоколебимость веры в то, что лучшее возможно только через осуществление определенного морального выбора. Большевики же наполнили этот выбор своим особым содержанием.

Различие, которое большевики и интернациональное коммунистическое движение в целом проводили между духовным и земным, может быть представ-

Таблица 1 «Переходные» общества

Все страны (всего 27)	Площадь, км ² (всего 35 715 398 км ²)	Население, тыс.чел. (всего 411 017 тыс.на июнь 2001)
Албания	28 784	3 545
Босния и Герцеговина	51 129	3 964
Болгария	110 994	7 621
Хорватия	56 538	4 391
Чехия	78 864	10 257
Эстония	45 100	1 416
Венгрия	93 033	10 075
Латвия	64 500	2 367
Литва	65 200	3 601
Македония	25 713	2 055
Польша	312 683	38 625
Румыния	237 500	22 318
Словакия	49 036	5 422
Словения	20 251	1 933
Югославия	102 173	10 657
Армения	29 800	3 330
Азербайджан	86 600	7 798
Белоруссия	207 600	10 335
страны СНГ		
Грузия	69 700	4 961
Казахстан	2 717 300	16 742
Киргизия	198 500	4 822
Молдова	33 700	4 435
Россия	17 075 400	144 979
Таджикистан	143 100	6 720
Туркменистан	488 100	4 689
Украина	603 700	48 396
Узбекистан	447 400	25 563

лено в виде следующего списка контрастов: наука — религия, прогресс — отсталость, развитие производительных сил — бедность, город — село, рабочий класс — буржуазия, партия — царь.

Большевистская вера в науку обязана философии Просвещения: как и мыслители соответствующей эпохи, коммунисты верили, что наука должна

восторжествовать над природой, а любое суеверие, любые религиозные предрассудки — постепенно исчезнуть из общества. Очевидно, что такая точка зрения была диаметрально противоположна взглядам традиционного русского православия. Культ науки не был просто идеологией: его намеренно насаждали и воспитывали в массах. Была создана огромная научная академия, открыты бесчисленные университеты и исследовательские институты. К концу советской эпохи в стране насчитывалось свыше миллиона ученых. Открытия, сделанные в естественных и технических науках, были провозглашены настоящими чудесами. Идея научного прогресса должна была пронизывать каждый аспект социального развития. Широкое распространение получили такие термины, как научный коммунизм, политическая наука, научный атеизм.

На этом твердом научном фундаменте должен был быть основан переход к развитому обществу изобилия, ключевым этапом которого являлась эволюция производительных сил и промышленности. Люди были вынуждены перемещаться из стагнирующих сел в города, олицетворявшие оплоты цивилизации. С разворачиванием процессов урбанизации и индустриализации рабочий класс превратился в доминирующую силу общества, в авангарде которой, пропагандируя научный прогресс, шествовала Коммунистическая партия.

В толковании, принятом в Советском Союзе, коммунизм рассматривался как продолжение традиций эпохи Просвещения. Исходя из таких представлений, крах социализма означал и конец соответствующей утопии. С другой стороны, существуют также точки зрения, согласно которым социализм лишь освободил животные инстинкты человека [Mäki-Kulmala 2003]. В социальных исследованиях Запада различие между этими двумя трактовками рассматривается в противопоставлении теории модернизации и теории тоталитаризма. Соответственно теория модернизации представляла собой попытку отыскать возможные сходства советского общества с западным [Parsons 1966, Parsons 1971]: оба шли по пути урбанизации и индустриализации, оба характеризовались высоким и растущим уровнем образования, оба придавали огромное значение научному прогрессу. С другой стороны, теория тоталитаризма рассматривала в качестве основного феномена социализма общество с однопартийной политической системой, жестоким механизмом репрессий и народного террора, культом личности, командной экономикой и насильственной мобилизацией народных масс на различные масштабные мероприятия [Brzezinski 1990].

Обе эти теории практически не пересекаются вследствие своей односторонности. Они неспособны в полной мере раскрыть разнообразие и сложность устройства советского общества, формировавшегося не только в соответствии с прямыми намерениями большевиков, но и под воздействием неконтролируемых, спонтанных процессов.

Теория тоталитаризма придает слишком большое значение феномену насильственного принуждения в социалистическом обществе. Однако, как пишет Дюркгейм, к соблюдению правил, принятых в обществе, людей также побуждает глубокое чувство уважения к соответствующей системе [Durkheim 1980, p. 24]. В представлении большевиков существовало две альтернативы социальной действительности, из чего вытекала соответствующая проблема морального выбора. Свой выбор советское общество отдало в пользу науки и прогресса против религии и ассоциируемой с ней отсталости; соответственно Коммунистичес-

кая партия и рабочий класс были возведены в ранг главных социальных ценностей, ставших неприкосновенными и не поддающимися переосмыслению.

Одним из последствий данного выбора стало то, что эпоха господства в науке догмы о борьбе социальных классов, передававшаяся от поколения к поколению до конца сталинской эпохи, с течением времени привела к отставанию таких научных отраслей, как генетика и физика, не говоря об очевидной деградации гуманитарных наук.

В результате постепенного замедления прогресса и назревавших противоречий в обществе становилась актуальнее угроза хаоса. Виновные были найдены не внутри системы — ими было объявлено внешнее зло, которое олицетворяли классовые враги, пережитки старой системы, саботажники, еретики. Наука, служившая не только двигателем прогресса, но и инструментом контроля, не в силах была справиться с ними. Это способствовало укреплению власти НКВД, ставшего главным силовым центром страны, превосходящим по своему могуществу даже партию. Новый господствующий класс, сотканный из ведущих партийных кадров, поднимался все выше и выше над классом трудящихся [Djilas 1957; Woslensky 1980]. Одновременно с процессами урбанизации и индустриализации росли средние слои.

На Схеме 1 изображена институциональная матрица советского социалистического общества. Внутренний шестиугольник условно отображает официальную версию происходящего, в то время как внешний — его потенциальную искаженную форму. Изначально явлениям на внешнем шестиугольнике не придается большого значения, однако когда люди начинают менять окружающий их мир и происходит закрепление новых социальных практик, эти явления всплывают в виде неконтролируемых, спонтанных процессов и укореняются в обществе в виде новых социальных институтов. Открытая борьба с такими институтами практически обречена, в официальной советской действительности они становятся запрещенными. Жизнь человека в социалистическом обществе может быть описана в терминах перемещения в пределах данной матрицы.

Что происходит, когда меняется социальная система? Ведь социальная система не может «умереть». Уж не растворилась ли в воздухе утопия социализма? В каком-то смысле социализм утратил свою «святую» сущность задолго до краха Советского Союза. Все понимали, что официальная версия происходящего сильно отклонялась от действительности, что послужило определенным поводом к формированию крайне индивидуализированного образа жизни и дистанцированию от бюрократии [Slapentokh 1989]. Люди искали спасения и защиты от своеволия властвующих структур в собственных семьях, близком окружении. Все это происходило при сохранении формального статуса «святости» основных ценностей социализма, оформившихся в социальные институты.

Однако подкошенная трудностями переходного периода Коммунистическая партия сбрасывает с себя бремя дальнейшего воспитания этих ценностей. В новых условиях рабочий класс фактически признается запрещенным [Kideckel 2001; Burawoy, Verdery 1999]. Если присмотреться внимательнее, то нетрудно заметить, что история «переходной» модернизации весьма незначительно отличается от истории воцарения коммунизма: старое общество отныне снова рассматривалось как крайне отсталое, и для преодоления его отсталости был выбран курс на развитие рыночных структур взамен идеям развития производи-

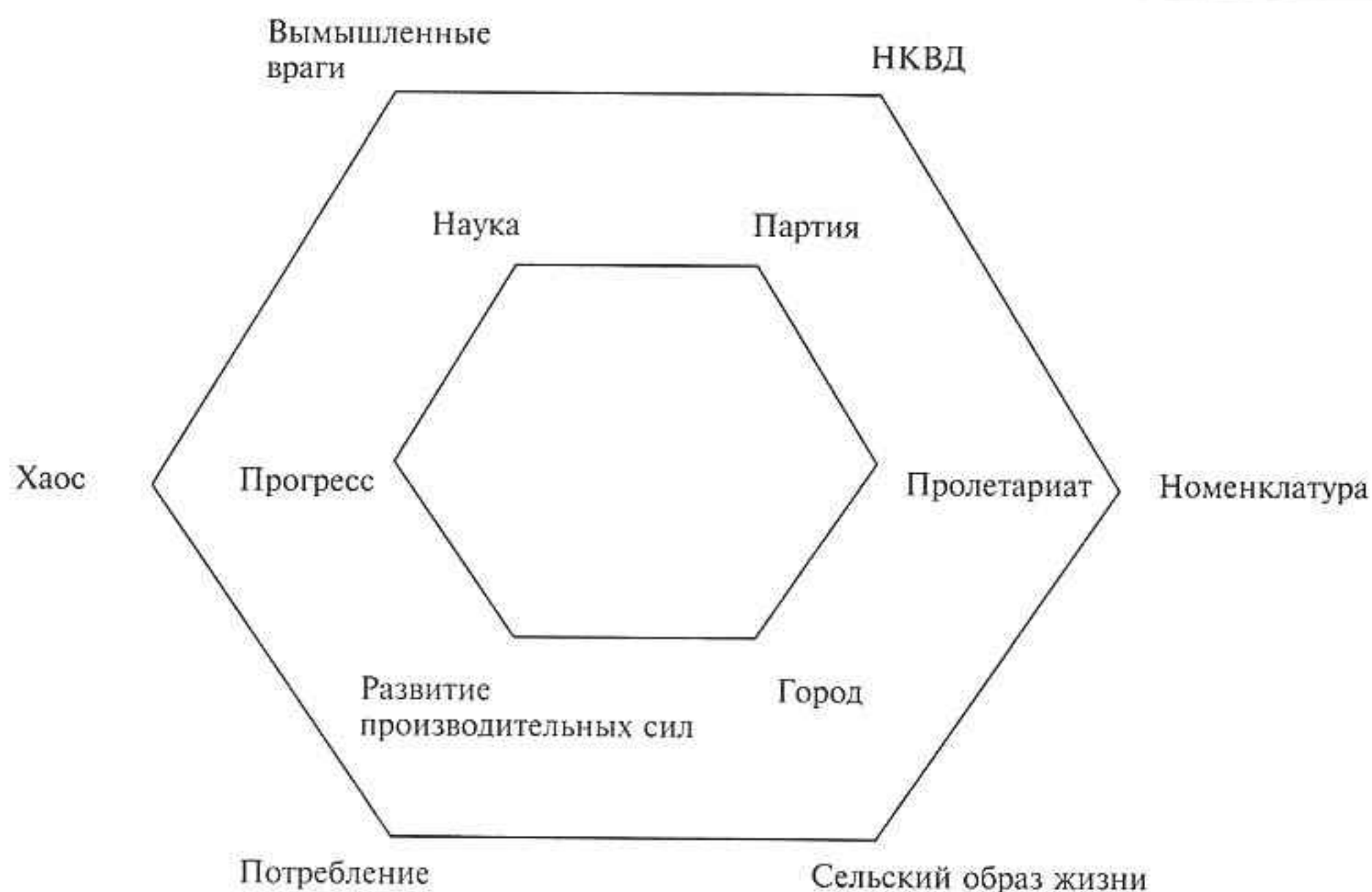

Схема 1 Проект большевиков и его искаженная форма

тельных сил, как это было прописано у социалистов. Место наиболее значимой в обществе социальной группы, с новой точки зрения, занимает средний класс.

Для борьбы с Коммунистической партией создается многопартийная система, которая была призвана способствовать развитию конкуренции между различными группами интересов. Но, несмотря на это, социалистическая утопия продолжает оказывать влияние на происходящие в обществе процессы, и этому есть, по крайней мере, три доказательства.

Во-первых, рыночные утопии, как правило, построены практически на тех же противоречиях, что и социалистические, и потому было бы логичным более подробно рассмотреть культурные различия, лежащие в основе этих противоречий. После краха социалистической системы в большинстве стран были подготовлены и предложены на реализацию новые проекты развития, опровергавшие курс последних 50 лет: место Коммунистической партии должны были занять новые политические партии, в колхозы и совхозы необходимо было привести более энергичное и заинтересованное сообщество частных земледельцев, вместо промышленных комплексов наряду с несколькими крупными западными корпорациями должны были возникнуть плотные концентрации небольших предприятий, профсоюзы должны перестать играть роль марионеток Коммунистической партии. Если социалистическая идеология зиждилась на отрицании капитализма, то постсоциалистическая была основана на отрицании социализма [Kivinen, Nikkula 2003].

Во-вторых, отдельные институциональные «фантомы» советской действительности, такие как вынужденная враждебность и гипертрофированная роль служб безопасности, продолжают оказывать влияние на всю политическую

культуру. Вместо того чтобы оценивать происходящее с позиций здравого смысла и искать институциональные причины, создаются новые образы врагов, обвиняемых во всех бедах. Не раз и не два мы могли видеть в новостях, как президент Ельцин увольнял своего очередного «некомпетентного» премьер-министра без какого-либо здравого анализа ситуации. Что касается роли служб безопасности, то только по причине полного беспорядка в их структурах страна смогла выбрать себе нового лидера, который, будучи премьер-министром, был впоследствии выбран и президентом.

Наконец, программа российских коммунистов демонстрирует отсутствие какой-либо гибкости и даже не пытается адаптироваться к изменившимся условиям пересмотром идей советской утопии, положенных в ее основу. В отличие от партий других стран Центрально-Восточной Европы, правивших в недалеком прошлом, российская Коммунистическая партия отвергла курс навстречу социальной демократии. Скорее, наоборот, в ее лозунгах более выраженной стала тенденция возврата к сталинизму. Вместо того чтобы бороться с примитивным делением мира на «черное» и «белое» и пытаться разобраться в ошибках советского прошлого, она и не собирается отказываться от устаревшей идеологии. Российские коммунисты до сих пор не признают многие очевидные пороки прежнего режима, включая сталинские репрессии, которые они до сих пор оправдывают как историческую необходимость.

Практически во всех остальных странах Центрально-Восточной Европы принятие социально-демократического курса бывшими правящими партиями обеспечило им постоянное присутствие в парламенте в качестве основной политической силы или лидера оппозиции. В этом смысле, соблюдение интересов рабочего класса остается неотъемлемой частью политических процессов, носивших характер неидеологического прагматизма западной социальной демократии 1950-х годов [Rabe 1978]. Вместо изобретения амбициозных исторических альтернатив политика занимается решением насущных вопросов, в то время как главный идеал — европейское государство благосостояния — остается перспективой будущего. Западные страны прошли долгий путь от проблемы рабочего класса, поднятой трудовым движением, к созданию сложной системы социальной политики и социального обеспечения [Eräsaari 1995]. В Европе эта система служит основой для массовой поддержки социально-демократических партий, а также развития радикальных движений [Abercrombie, Urry 1983, p. 122—132]. Однако на сегодняшний день в Центрально-Восточной Европе пока не существует условий для реализации подобных социально-демократических проектов.

Мечта о свободном земледельце

Идея частного земледелия, обсуждаемая сегодня в «переходных» странах, на самом деле является заимствованной, несмотря на то что эти страны имеют собственные представления о частном сельском хозяйстве, являющиеся продуктом определенного исторического опыта. Прообраз семейного хозяйства, положенный в основу проводимых реформ, в частности, имеет отношение к теории В. Ростоу и опыту, полученному в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии в результате краха военных диктатур.

Теория Ростоу [Rostow 1960] обосновывает необходимость проведения земельной реформы в программе модернизации сельского хозяйства. Развитие пищевой индустрии должно было идти наравне с всеобщей индустриализацией и модернизацией экономики. Эти взгляды нашли свое отражение в известной политической программе «Вашингтонского консенсуса», призванной найти решение долговым проблемам латиноамериканских стран. Среди ключевых лозунгов данной программы значились приватизация, либерализация и стабилизация, которые должны были проложить путь к восстановлению экономики и поддержанию ее долгосрочного роста. Несмотря на то, что эта программа не пользовалась широкой поддержкой Всемирного банка и МВФ, своими ключевыми элементами она обязана выездным бригадам консультантов этих организаций и сотрудничавших с ней университетов [Wedel 1998]. Очевидно, что в национальном сознании стран, переживших крах социализма, «Вашингтонский консенсус» получил широкое одобрение.

«Переход» в сельском хозяйстве был определенно связан с идеей о свободном земледельце — полной противоположностью коллективному хозяйствованию, ассоциируемому с крепостничеством, господством красных баронов, алкоголизмом, отсутствием инициативы и другими пороками, которыми, в частности, можно было охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Африке в 1950-х и 1960-х годах. Даже несмотря на свое официальное отрицание на уровне государства, эта идея вынашивалась обществом, искренне желавшим усердия, личной свободы, воспитания семейных ценностей и патриотизма.

Сельскохозяйственная деколлективизация послужила поводом для ряда исследований, в которых колхоз представлял основную исследуемую единицу. Теоретической основой этих исследований стал чаяновский романтизм [Shanin 1986] с его идеей об «угнетенном крестьянстве» и необходимости восстановления деревень. Абрахамс предполагает [Abrahams 1996, p.170], что фермы и фермеры появляются в результате столкновения личных и структурных интересов, формирующих общественные и семейные ценности. Земля, дом, семья, рабочее место становятся определяющими компонентами их образа жизни, норм и мотиваций, отличающимися от норм и мотиваций городских чиновников и промышленных рабочих.

По мнению Абрахамса, социальная и экономическая активность сельских жителей формируется с учетом их специфической культуры и образа мышления, объединенных под понятием *рурализма* (ruralism). *Рурализм* является неотъемлемой частью культурного наследия общества, которое в период социализма намеренно подавлялось из соображений соответствующей идеологии. В определенной степени идеи Абрахамса схожи со взглядами Селеньи: людям, которые имели предпринимательский опыт в сельском хозяйстве, а также чьи родители до социализма занимались фермерством или предпринимательством, был гарантирован успех в новой постсоциалистической эпохе [Szelenyi 1988]. Кроме того, подход Абрахамса соответствует оптимистичной оценке постсоциализма Дж. Сакса и А. Ослунда, речь о которой идет в самом начале данной статьи. Они утверждают (и мы лишь немного преувеличиваем их мнение), что бизнес и сельское хозяйство начинают активно развиваться самостоятельно только в условиях снятия ограничений, накладываемых коллективным хозяйствованием и регулированием.

Альтернативный подход представлен социально-антропологическими исследованиями, которые в отличие от предыдущих характеризуются большей критичностью в своих оценках. В частности, эти исследования ставят под сомнение направленность переходных процессов: так, по мнению Кидекеля, вместо того, чтобы изучать «переход» как некое неопределенное движение от социализма к рыночным демократическим государствам, необходимо рассматривать восточноевропейские страны в качестве новой социальной формации со своими законами развития, или, как это отмечено у Р. Баро [*Bahro* 1977], рассматривать «переход» как состояние неопределенности, в котором формируются особые виды социальных отношений и конфликтов [*Kideckel* 1995, p. 5].

В соответствии с данными представлениями процесс постсоциалистической трансформации имеет свои законы развития, у него не может быть аналогов ни в процессах демократизации Восточной Европы и Латинской Америки 1970-х и 1980-х годов, ни в экономических преобразованиях Юго-Восточной Азии. Этот взгляд основан на утверждении о том, что социализм характеризуется качественно иным типом общества: это не капитализм и не чистая диктатура. «Переход» представляет собой сложный и продолжительный процесс, определяемый социальными структурами и практиками, эволюционировавшими в бывших социалистических странах на протяжении 50—70 лет, в течение которых становились социалистическая экономика и социалистическое общество. Похожая аргументация лежит в основе подходов, использующих теорию зависимости от исторического развития и уделяющих основное внимание роли неформальных институтов [*Stark* 1996; *Meurs, Begg* 1998].

На них, в частности, опираются финские исследования проблем сельскохозяйственной трансформации в постсоциалистических странах. Еще один подход, представленный преимущественно социально-антропологическими исследованиями, опирается на теорию модернизации. Среди других теорий, оказавших влияние на финские исследования, можно упомянуть теорию Маркса о первоначальном накоплении капитала и возникновении капитализма и теорию С. Кларка [*Clarke* 1993; *Kivinen* 1998, p. 122—132] о советском производственном режиме, ключевой концепцией которой является патримониальная основа трудового коллектива и ее проявления. С этой точки зрения советское сельское хозяйство не было диктатурой колхозов, а, скорее, симбиозом коллективного сельского хозяйства и мелкой деланки, взаимозависимых и поддерживавших друг друга. Социалистическое сельскохозяйственное предприятие представляло собой больше, чем просто систему производства продовольствия: оно также выполняло важные функции социальной политики и социальной защиты. Поэтому деколлективизация сельского хозяйства это не просто возникновение частного фермерства в процессе приватизации сельского хозяйства, но и уничтожение системы социально-экономических механизмов и структур без какой-либо компенсации ее функций.

Мы позволим себе начать с описания того, что произошло в странах Балтики, которые первыми повернулись к частному сельскому хозяйству и семейному фермерству. Балтийская реформа сельского хозяйства во всех трех странах была возглавлена сторонниками националистических взглядов и движений за независимость, стремившихся восстановить мелкое крестьянское хозяйство образца 1930-х годов. Такова была цель реформы, однако ни у кого не было

ясной идеи о возможных способах ее достижения. В Эстонии и Латвии деколлективизация приобрела децентрализованный характер и реализация соответствующих программ была предоставлена на усмотрение местных органов. В то же время Литва выбрала абсолютно другой вариант, предоставив государству возможность навязывать реформу и практически не оставив никакой возможности влиять на ее осуществление на местах. Другими словами, Литва выбрала курс «планового капитализма». Руководство реформой, в конце концов, было передано в руки региональных и местных властей, но впоследствии выяснилось, что это было сделано слишком поздно. Во всех трех странах начались процессы реституции национализированной собственности.

Однако в сельском хозяйстве преуспели не потомственные земледельцы, а люди, которые были в курсе грядущих перемен и сумели подготовиться к ним, прежде чем была запущена соответствующая реформа. Они заранее распределили между собой объекты, которые в перспективе было выгодно продать (техника, здания). Этими людьми были директора и другие профессиональные управляющие колхозов, которые, пользуясь преимуществами собственного положения, располагали обширными социальными связями с директорами и управляющими других предприятий и новой политической элитой, руководившей процессом реформ. Безусловно, где-то возникали и успешные фермы, однако факт их появления не является заслугой сельскохозяйственной реформы, поскольку эти предприятия были созданы на последнем этапе социализма, когда были доступны дешевые займы и низкие рублевые цены. Люди были уверены в том, что деколлективизация способствует восстановлению частного семейного хозяйства, однако вскоре стало понятным, что этот вид деятельности стал практически неприбыльным: стремительно выросли издержки производства, упали цены на продукцию, и людям было практически нечем обеспечивать долг на развитие своего бизнеса. В результате было закрыто огромное количество семейных предприятий и люди были вынуждены вернуться к своим мелким индивидуальным хозяйствам. Немногим удалось усовершенствовать технологии и наладить хозяйство на собственных фермах. Кооперативы и прочие сельскохозяйственные предприятия также испытывали серьезные затруднения, что отчасти объясняется медленной приватизацией предприятий пищевой промышленности. Превращение бывших государственных монополий в частные фирмы усугубилось внезапным исчезновением огромного российского рынка и одновременным разворачиванием субсидируемого западного импорта. Предприятия, занимавшиеся обработкой сельскохозяйственного сырья, решали свои финансовые проблемы за счет производителей, намеренно занижая закупочные цены под угрозой отказа от их продукции.

Проблемы в сельском хозяйстве практически сразу перекинулись на смежные отрасли. С сокращением объемов производства технические станции, обслуживавшие фермы по субподрядам, были вынуждены сворачивать свою деятельность. Строительные компании влачили жалкое существование за счет немногочисленных восстановительных работ и государственных заказов. Привлекательными в качестве предполагаемых доходов можно было назвать только лесные предприятия, а также кое-какое мелкое посредничество и коммерцию, сосредоточенные преимущественно на продаже алкоголя и табачных изделий населению. В данной ситуации «расцвет» торговли несколько не отражает успех развития местной экономики, а скорее, наоборот, свидетельствует о ее стагнации.

Смена сельскохозяйственной системы положила конец тому обществу, которое некогда являлось ее основой. За нехваткой экономических ресурсов была свернута практически вся культурная деятельность сельских организаций. В новых условиях общественное сознание оказалось истощенным, на фоне чего осязаемые стали процессы дезинтеграции гражданского общества, трудности создания местных партийных организаций и т. д. Вся гражданская активность сводится к распределению гуманитарной помощи и совместному досугу, что происходит вследствие изоляции социальных групп и ограниченности их социального капитала, основу которого, как и во времена Советского Союза, составляют семейные связи [Alanen, Ruutsoo, Nikula 2001].

Глубокое состояние аномии, образующейся на месте исчезающей экономической и социальной активности, в сельских районах стран Балтики повсюду становится осязаемым. Дома культуры, которые были построены в 1980-е годы, сегодня находятся в состоянии крайнего упадка и представляют собой удручающее зрелище. В деревенских кабаках постоянно собираются алкоголики, прожигающие там время и мизерные деньги. На сельскохозяйственных технических станциях практически не найти работников среднего возраста, потому что трудится, в основном, старшее поколение. Аномия и ее крайняя форма — жестокость — заметна даже в статистике населения и криминала, которые характеризует снижение рождаемость и рост преступлений.

Несмотря на то что сельскохозяйственная реформа протекала во всех трех балтийских странах по-разному, их общие последствия в принципе были одинаковыми. Им удалось практически полностью разрушить устаревшую социально-экономическую систему с ее патримониальным коллективизмом и социальной структурой. Однако никто не учел, что пропитанные идеей создания нового плюралистического общества балтийские реформы вместе с экономической и политической основой коммунистической автократии уничтожат те моральные и культурные ценности, которые наполняли жизнь людей. Отныне им навязывался образ жизни, в соответствии с которым ставилось под сомнение и отрицалось все, что было принятым при социализме. На смену коллективизму пришел индивидуализм, который в своей крайности лишь препятствовал формированию каких-либо сообществ. Вместо прежних мотиваций, людям было предложено попробовать себя в качестве социальных «карьеристов», которые не несут никакой ответственности, кроме как за себя самих. На фоне индивидуализма хорошо преуспели сторонники крайнего либерализма. Все остальные не рисковали что-либо предпринимать или делиться собственными взглядами на будущее. За отсутствием экономических ресурсов и поддержки со стороны единомышленников многие оказались подавлены реформой и превратились в жертв охватившей общество аномии. Тем же, кто преуспел, чтобы закрепить свой новый статус, необходимо было любыми способами сохранить свою независимость от общества, которому им нечего было предложить и которому они, тем более, ничего не хотели отдавать. С этой позиции понятными становятся бесконечные жалобы частных предпринимателей на «колхозный» менталитет местных рабочих и их скудные навыки. Для рабочих же единственным доступным средством сопротивления является отказ от работы, обращение к алкоголю и прочие формы латентного протеста.

Российская сельскохозяйственная реформа осуществлялась практически одновременно с реформой в балтийских странах, однако связанные с ней про-

цессы имели несколько другой характер. Реформа началась в 1990 г. с приватизации государственной собственности на землю. В следующем году государство начало реорганизацию совхозов и колхозов, работники которых отныне могли самостоятельно выбрать предпочтительный для них тип собственности: государство гарантировало им возможность совладения активами предприятий и земельными участками, включая возможность покинуть хозяйственный коллектив в одностороннем порядке [Kalugina 2002, p. 45]. Таким образом, начала разрушаться характерная для советского сельского хозяйства тесная структурная связь между коллективным хозяйством и объединенными им мелкими частными наделами крестьян [Alanen 1998].

Реформа осуществлялась в строгом соответствии с рекомендациями Всемирного банка по проведению быстрой приватизации, либерализации рынка и снятию с него государственных ограничений [Spoon, Visser 2001, p. 886]. Этот подход был основан на уже имевшемся опыте проведения сельскохозяйственных реформ в Китае и во Вьетнаме. Как пишет Спун, Всемирный банк свято верил в преимущества частных семейных ферм и реализуемую для их создания стратегию реформ, которая, будучи реализованной в полном объеме и без каких-либо отклонений, способствует не только достижению более высокого уровня жизни и поддержанию устойчивого уровня потребления, но и поможет смягчить трудности, связанные с «переходом» [World Bank 2002, p. 10].

Многие были убеждены в том, что в результате этих реформ сельское хозяйство будет преобразовано в эффективную систему частных фермерских хозяйств не только в России, где были созданы условия для сосуществования различных форм собственности (акционерных обществ, товариществ, кооперативов, частных ферм и их объединений), но и по всему постсоциалистическому пространству.

Реорганизация сельского хозяйства была практически завершена к концу 1994 г. В государственной собственности осталось только одно из четырех крупных сельскохозяйственных объединений: 1,5 % пришлось на региональную собственность, 2/3 — на частную и 5,1 % — на смешанную собственность. Однако несмотря на формально существующее разнообразие форм собственности, огромная доля предприятий в той или иной степени продолжает хозяйствовать по принципу своих предшественников: колхозов и совхозов [Spoon, Visser 2001, p. 887].

Ни в России, ни в странах СНГ не было создано настоящих рынков, поскольку, по большому счету, они были монополизированы местной региональной элитой. Этим рынкам недоставало взаимосвязанности, эффективной организации и многих необходимых для их нормального развития институтов. Благие намерения реформ обернулись совершенно противоречивыми разрушительными последствиями, в том числе социальными. Огромное количество крупных совхозов пришло в упадок и оказалось на грани банкротства, многочисленные частные фермы вообще были вынуждены уйти с сельскохозяйственного рынка. Страну охватила массовая безработица и бедность. По объемам производства и уровню технического обеспечения сельского хозяйства Россия была отброшена на 30—50 лет назад. Вместо неэффективного государственного сектора был создан немногим более эффективный частный сектор, организация которого формально ничем не отличалась от организации советских колхозов и совхозов, поскольку их менеджмент остался преимущественно патерналистским и авто-

ритарным. Индивидуальное крестьянское хозяйство, продолжающее существовать в тесной неразрывной связи с крупным коллективным хозяйством, является практически единственной формой сельскохозяйственного производства в России на сегодняшний день [Kalugina 2002, p. 54]. Кроме того, растущая апатия населения ставила под угрозу развитие демократических институтов и довела рыночный индивидуализм до его крайней формы — отчуждения.

Главной причиной столь серьезных последствий является упрощенное понимание сути реформы проводившими ее людьми. Как подчеркивает Макинтайр: «В основе неоклассической рыночной модели должен находиться идеальный независимый предприниматель, осуществляющий объективные и обезличенные трансакции... и многие наивно предполагали, что в “переходных” странах начнет развиваться класс успешных малых и средних семейных предприятий, функционирующих на рынке по принципу совершенной конкуренции, которая не реализуется ни в одной из стран Западной Европы» [McIntyre 2001, p. 9].

Необходимо понимать, что восстановление прежнего крестьянского общества, которое было воспринято мечтательными реформаторами в качестве главной идеи проводимых преобразований, на самом деле, не могло быть реализовано в принципе — таков был идеал прошлого. Кроме того, интересы, определявшие и контролировавшие процесс реформы в сельском хозяйстве «переходных» стран, были сосредоточены не столько в самих этих странах, сколько за их пределами, что обусловило прямой импорт экономических и политических институтов без сколько-нибудь значимых попыток адаптировать их к реальности. В частности, в балтийских государствах характерной была ориентация на гигантов пищевой промышленности, поддерживаемых местной политической элитой, не говоря уже об активном вмешательстве в трансформационные процессы таких наднациональных институтов, как МВФ и Всемирный банк. На самом же деле, настоящее будущее сельского хозяйства в постсоциалистических странах — это не мелкие семейные фермы, а крупные, превосходно оснащенные и потому высокоэффективные частные капиталистические хозяйства.

Дух капитализма

Дискуссия В. Зомбарта и М. Вебера [Töttö 1991], посвященная проблеме духа капитализма, получила свое продолжение в России и Центрально-Восточной Европе в связи с переходным процессом. «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера была достаточно быстро переведена на русский язык, и любой желающий мог бы найти ее даже в уличном книжном киоске.

В определенном смысле России не хватало этой самой протестантской этики. Если в западных христианских течениях и в особенности протестантизме подчеркивается важность самосовершенствования и покаяния, то в восточном православии человек не испытывает в них столь серьезной необходимости. Православные с большей охотой отдаются наставлению церкви, чем лютеранцы, придающие высокое значение самостоятельности. Отсюда становится понятным возникновение коллективизма в православии, который воспитывался с могуществом Церкви: того, кто пытался выделиться над обществом, как правило, жестоко наказывали изгнанием и отречением от Бога, что было для него равноценно физической смерти.

В отличие от католицизма и лютеранства православная церковь не придавала большого значения проповедям и учениям, которые заменяло ритуальное богослужение. И прежде всего это была вера не в Божьего Сына, а в Святого Духа [Zernov 1958; Eyal, Szelenyi, Townsley 1998], что нашло свое отражение в известных православных литургиях и иконах.

Особенности православия позволяют объяснить некоторые специфические черты в культуре советского социализма, такие как, например, ритуалы большевиков, боязнь быть подвергнутым остракизму за несоблюдение официальных норм, культ личности. Вполне возможно, что православные традиции сыграли определенную роль в смирении людей с аскетизмом большевиков, их догматичностью и тоталитарным подходом ко всему.

В своей работе «Капитализм без капиталистов» [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998], написанной в традициях неоклассической социологии, авторы предприняли серьезную попытку объединить веберовскую дискуссию о духе капитализма с обсуждением проблем, связанных с «переходом». И если вопросы, исследуемые классическими социологами, такими как Вебер и Дюркгейм, лежали в пределах представлений о классическом капитализме, то неоклассическая социология идет дальше и исследует различные варианты его развития.

Г. Эял и его коллеги утверждают, что варианты, которые выбрала Россия и Центрально-Восточная Европа, радикально отличаются друг от друга. Новая восточноевропейская элита, состоящая преимущественно из представителей интеллигенции, сумела принять вызов и свергнуть советскую номенклатуру с руководящих позиций. Во главе этой интеллигенции стояли люди, которых условно можно было разделить на два типа: с одной стороны, это были бывшие диссиденты, писатели и прочие творческие личности; а с другой, экономисты-технократы и менеджеры, которые учились тому, что знают, с постоянной оглядкой на Запад. В период социализма эти люди находились в своего рода изгнании, будучи «запертыми» в своих исследовательских институтах или творческих группах, и многих из них объединял и поддерживал разделяемый всеми дух самопожертвования. Несмотря на то что никакого капитализма еще не было, его предстояло создать, даже если для этого потребуются определенные жертвы.

Анализ, проведенный Г. Эялом и его коллегами, показал, что приватизация в Центрально-Восточной Европе предоставила номенклатуре гораздо меньше возможностей для «наживы», чем в России [Frydman, Murphy, Rapaczynski 1998]. Возникшие в соответствующих странах формы собственности были более разнообразными, способствуя формированию *капитализма без капиталистов*: относительно развитых рынков труда и капитала, механизмов продажи и покупки акций, управленческих практик. Однако не стоит забывать, что эти практики создаются не настоящими капиталистами, а интеллигенцией, которая является не более чем культурной буржуазией.

Поэтому, в определенном смысле, ключевым источником богатства и власти в этой социальной системе является не экономический и политический капитал, а культурный. В Центрально-Восточной Европе старой номенклатуре не удалось захватить статус новой буржуазии, обогатившись за счет дарованных ей предыдущей системой привилегий. Скорее, наоборот, в исследовании Г. Эяла приводится ряд свидетельств тому, что представители номенклатуры в Центрально-Восточной Европе были понижены в социальной иерархии. В противоположность им вырос статус менеджеров средних компаний, которые образовали ядро

своего рода интеллигенции *компрадоров*: вместо того чтобы скупать дешевые обанкротившиеся предприятия и аккумулировать собственность в своих руках, эти люди с успехом продавали компании иностранным инвесторам, обеспечив себе тем самым менеджерские позиции в транснациональных корпорациях.

В России процесс шел в абсолютно ином направлении и Эял вместе с коллегами дает ему условное название «капиталисты без капитализма» [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998, p. 50]. Используя власть, российская номенклатура сумела закрепить за собой контроль над собственностью, не оставив интеллигенции ни одной возможности поколебать свои далеко идущие интересы. В обществе сложилась ситуация, когда класс капиталистов был сформирован в условиях отсутствия действующих институтов рыночной экономики. Имевшиеся рыночные институты были либо неполноценными, либо принимали совершенно причудливые формы (речь идет об институтах виртуальной экономики) [Gaddy, Ickes 1998].

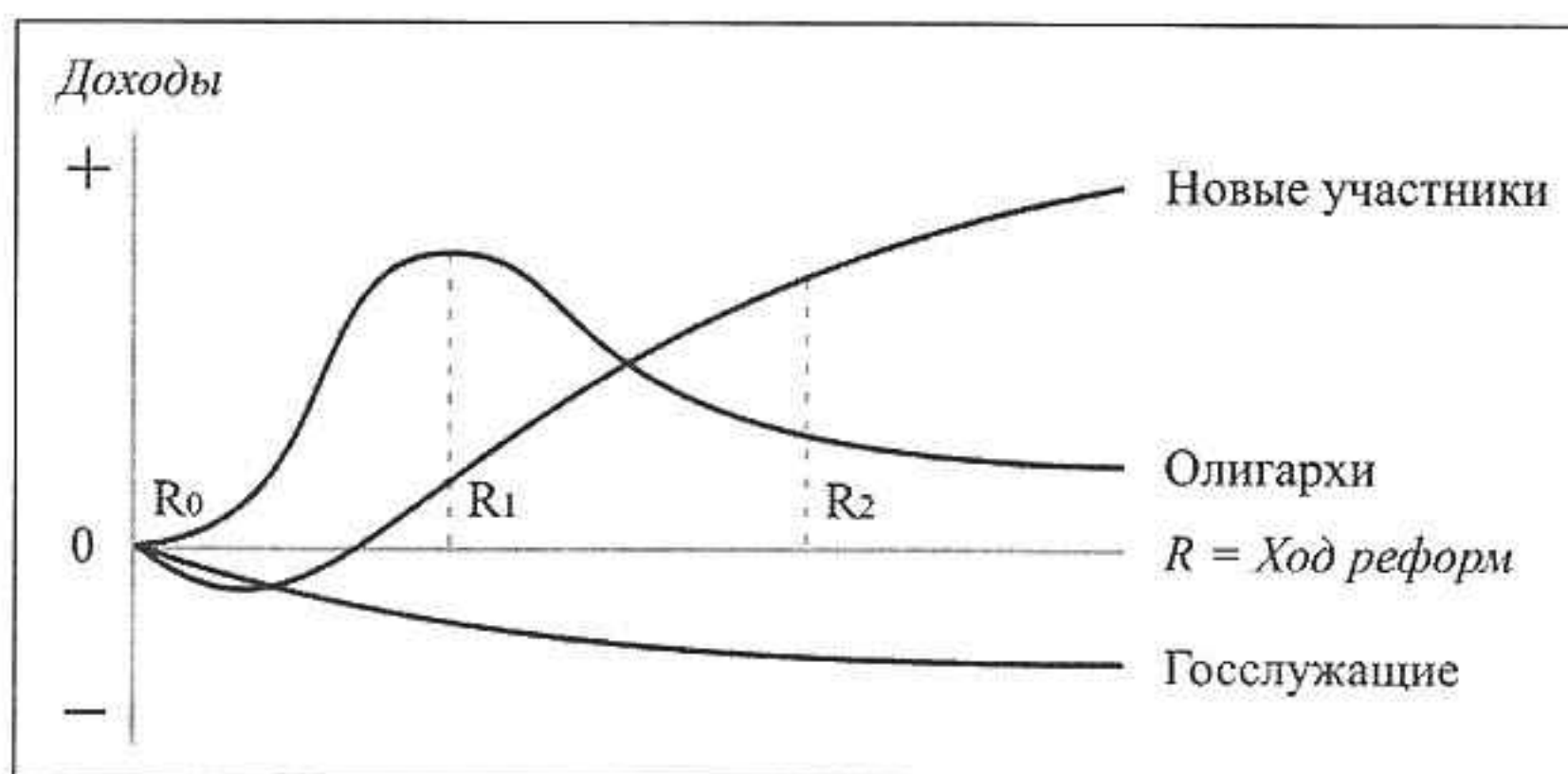
Идеи, положенные в основу работы Эяла и его соавторов, оказываются особенно полезными в сравнении различных вариантов направленности переходных процессов. Авторы блестяще проанализировали феномен «самопожертвования», имевший место в странах Центрально-Восточной Европы, однако анализируя изменения в социальной структуре, они уделили, пожалуй, слишком большое внимание вопросу формирования элит [Kivinen 2002, p. 155—160; Burawoy 2001]. Если бы авторы взглянули на эти проблемы с другой точки зрения и рассмотрели классовую структуру «переходных» стран наряду с социальной структурой западных государств, то смогли бы также обнаружить, что в «переходных» обществах практически все социальные классы являются неустойчивыми. Рабочий класс неустойчив вследствие отсутствия независимого трудового движения, средний — вследствие структурных сдвигов в экономике, пошатнувших позиции профессионалов. Проблемы в сельскохозяйственном секторе не дают крестьянскому движению встать на ноги и сформировать сколько-нибудь значимую политическую силу. Что касается социальной элиты (менеджеры в Центрально-Восточной Европе, номенклатура в России), то ее устойчивость в долгосрочной перспективе совсем не очевидна, поскольку зависит от того, как будут протекать и без того непредсказуемые трансформационные процессы.

Всемирный банк предлагает собственное объяснение расходящимся траекториям «перехода» в России и Центрально-Восточной Европе [World Bank 2002]. Интересы победителей и проигравших в результате «перехода» отражены на Схеме 2, на которой изображены выигрыши и потери различных групп населения, зависящие от этапа реформ и характеризующие «типичную переходную экономику».

Госслужащие. Работники государственных предприятий и служб, у которых нет необходимых навыков для того, чтобы стать новыми участниками конкурентного рынка. С самого начала реформ их доходы начинают неуклонно снижаться вследствие снижения роли государства в экономике и продолжают сокращаться с дальнейшим ходом реформ.

Потенциальные новые участники. Работники государственных предприятий и служб, а также предприниматели, которые имеют навыки, необходимые, чтобы стать участниками конкурентного рынка. На начальном этапе реформ они несут издержки, связанные с адаптацией к новым условиям после опыта работы в государственном секторе. Их выигрыши со временем начинают рас-

Схема 2 Победители и проигравшие в процессе реформ

Примечание: R_0 — состояние до начала реформ; R_1 — момент, в который выигрыши олигархов являются максимальными; R_2 — этап реформ, на котором новые участники рыночных отношений, адаптировавшись к современным условиям, обладают достаточной политической силой, чтобы оказывать давление на олигархов и государственных служащих.

Источник: [Transition... 2002].

ти при условии реализации соответствующей политики со стороны государства, которая обеспечивает им выход на формирующиеся рынки.

Олигархи. Бывшие номенклатурные лидеры. После начала реформ, используя свой административный ресурс, перераспределяют между собой крупную государственную собственность, однако постепенно, с формированием конкурентного рынка, не имея необходимых в конкурентных условиях навыков, их выигрыши начинают снижаться.

С учетом своих собственных интересов каждая из рассмотренных групп предпочтет ту стадию реформ, которая способствовала бы максимизации ее выигрышей. Так, госслужащие пожелали бы поддерживать статус-кво на уровне R_0 и противостоять проведению реформ. Олигархи предпочли бы частичную реализацию программы (R_1), чтобы сохранить за собой возможность получения административной ренты. Что касается новых участников рынка, то они стремятся как можно быстрее преодолеть этап адаптации, чтобы впоследствии получать более высокие выигрыши, чем все остальные участники отношений.

Таким образом, ключевым моментом политики в переходном процессе является подавление сопротивления со стороны тех групп населения, которые тормозят ход реформ, стремясь сохранить за собой имеющиеся преимущества или предотвратить снижение выигрышей. В противном случае существует огромный риск того, что процесс реформ будет завершен на стадии R_1 , откуда его будет крайне сложно возобновить.

Всемирный банк объясняет уникальность российского случая огромным количеством государственных служащих и могуществом номенклатуры, доставшихся России с советских времен. Однако это предположение не выглядит столь уж убедительным. Во-первых, основная часть российских работников больше не числится в государственном секторе. Как видно из Табл. 2 [Госкомстат России

Таблица 2 Структура российского рынка труда по секторам, 1999—2000 гг.
(в %)

Занятость по секторам	1990	1992	1994	1996	1998	2000
Государственные и муниципальные предприятия	82,6	68,9	44,7	42,0	38,1	37,9
Частные предприятия	12,5	19,5	33,0	35,6	43,2	46,1
Социальные организации, фонды	0,8	0,8	0,7	0,6	0,7	0,8
Совместные предприятия	0,1	0,3	0,5	0,8	1,6	2,7
Предприятия со смешанной собственностью	4,0	10,5	21,1	21,0	16,4	12,5

2001], соотношение госслужащих резко сократилось после приватизации и очевидное большинство экономически активного населения сегодня уже трудится в частном секторе.

Вторым сомнительным утверждением, с нашей точки зрения, является снижение выигрышей олигархов с течением времени. Из теории первоначального накопления капитала нам известно, что происхождение инвестируемых капиталистами средств не имеет никакого значения для самого процесса инвестирования и его эффективности. Олигархам было бы выгоднее дождаться завершения переходного процесса, поскольку окончательная стабилизация экономики гарантировала бы им более комфортные условия для воспроизводства капитала и привлечения его с иностранных рынков. Поэтому вряд ли возникавшие то здесь, то там экономические флюктуации [Åslund 1998] были вызваны попытками российских капиталистов нарушить естественный ход реформ, и потому, скорее всего, они объясняются непоследовательностью всей проводимой в те годы экономической политики.

Определенные теоретические и практические сложности анализа переходных процессов, характерные для «Вашингтонского консенсуса», заставили многих ученых переключиться от экономического мейнстрима к социологии, социальной антропологии и институциональной экономике, поскольку важность деятельности неформальных институтов, ценностей и норм становилась еще более очевидной. Причиной этому послужил возникший разрыв между политической элитой и гражданами, который был замечен в том числе и в странах Центрально-Восточной Европы, где процесс экономических и демократических реформ протекал в определенной степени успешно. У государства и его подопечных оставалось все меньше и меньше общего, профсоюзы были неспособны выполнять свою роль, множество мелких партий мешали формированию сильных групп общих интересов, падала гражданская и избирательная активность. Многочисленные опросы общественного мнения отражали угрожающую тенденцию — снижение уровня доверия государству, политическим партиям, банкам, бизнесменам, газетам и профсоюзам. Народ оставался верен только церкви и, возможно, армии, однако по-настоящему люди доверяли лишь своим близким и друзьям. Деление на «нас» и на «них» было характерной чертой социализма, которая сохранилась в обществе, несмотря на происходящие в нем изменения. Значимость социального капитала обуславливает столь высокий интерес к связанным с ним проблемам со стороны ученых. Продолжая традицию Патнэма, можно было бы рассматривать социальный капитал как показа-

тель гражданской активности, участия в различных организациях и степени социального взаимодействия населения, которые, по большому счету, были сведены к минимуму.

Были предложены различные варианты решения проблем доверия и социального капитала. Однако еще в 1990 г. Р. Дарендорф [*Dahrendorf* 1990] заметил, что эти решения не могут быть простыми в принципе. С ним согласен и П. Штомпка [*Sztompka* 1993], утверждавший, что ядро проблемы заключено в существующей системе ценностей, норм и обычаев. По его мнению, постсоциалистическим странам была необходима определенная гражданская и предпринимательская культура. Некоторые рассуждают аналогичным образом [*Rose* 1998] и утверждают, что ключ к решению лежит в культуре в целом. Культура представляет собой среду обитания людей, которая задает границы того, что мы называем «хорошей жизнью» и во что мы свято верим. Именно так задается определенная система норм, понятий о справедливости, традиций. В представлении Штомпки эта сфера принадлежит неформальным институтам, антиподами которых являются формальные институты, такие как партии и предприятия. Свойство формальных институтов поддерживать неформальные и помогать им в их деятельности по созданию культуры является, по мнению ученого, одним из решений проблемы доверия и социального капитала. Отсюда возникает гражданское общество, которое представляет собой связующее звено между формальными и неформальными институтами. Оно включает в себя растущий частный сектор экономики, средний класс и формируемые им общественные организации для защиты своих интересов. В заключение Штомпка утверждает, что только в этих условиях может возникнуть нормальное здоровое общество, в котором гражданин имеет достаточно стимулов и возможностей для социальной активности.

Несмотря на то что теории социального капитала и доверия очень удачно дополняют анализ проблем, связанных с переходными процессами, некоторые выдвигаемые ими предположения являются сомнительными и необоснованными. Сам факт «перехода», как показал опыт «переходных» стран, далеко не обязательно приводит к появлению новых политических структур и других форм социальной активности.

Проблема социального капитала и дефицита доверия не может быть разрешена только за счет гражданского общества. В любом случае необходимыми будут реформы в области социальной политики, бизнеса и промышленности, которые изменят повседневную жизнь людей к лучшему. Эти меры направлены против маргинализации и бедности и помогают населению более легко адаптироваться к новым условиям. Как только люди почувствуют, что их материальные запросы удовлетворены хотя бы на базовом уровне, у них сразу же появятся стимулы к социальному взаимодействию.

Попытка найти и оценить связи между экономикой, социальной структурой и существующей системой норм является важной заслугой анализа П. Штомпки. Однако эта попытка в высокой степени формализована и нормативна. В реальной практике исследуемые им связи выглядят совсем иначе. Это подтверждает работа, сделанная Т. Заславской, которой удалось выявить и классифицировать всех участников переходного процесса.

Социальная модель Заславской (Табл. 3 [*Zaslavskaja* 2002]) состоит из двух измерений. Первое отражает принадлежность социальной группы к той или иной страте; второе — интересы различных групп общества. Нетрудно заметить, что

Таблица 3 Структура российского общества

	Социальные слои России		
Социально-политические силы	Элита и верхний слой (акторы макроуровня)	Средний слой (акторы мезоуровня)	Базовый слой (акторы микроуровня)
Государственнические	1.1а. Правящая политическая элита 1.1б. Верхнее звено бюрократии	1.2а. Военная и статская бюрократия (среднее звено) 1.2б. Профессионалы на службе власти	1.3. Государственная часть базового слоя
Олигархические	2.1. Собственники крупного и крупнейшего капитала	2.2. Периферия олигархических империй	
Либерально-демократические		3.2а. Массовые представители бизнес-слоя 3.2б. Независимые профессионалы	3.3. Либерально-демократическая часть базового слоя
Социал-демократические		4.2. Деятели независимых профсоюзов, умеренное крыло ПРФ, социал-демократическая интеллигенция	4.3. Социал-демократическая часть базового слоя
Национал-патриотические	5.1. Верхушка коммуно-патриотов	5.2а. Консервативный директорат 5.2б. консервативная часть офицерства армии и силовых структур	5.3. Национал-патриотическая часть базового слоя
Противоправные	6.1а. Лидеры уголовного мира и экономической преступности	6.2. Коррупцированная бюрократия	6.3. Члены преступных группировок

верхние слои в данной модели принадлежат к специфической государственной и олигархической культуре, которая также поддерживается за счет интересов бюрократов и профессионалов, работающих в государственном секторе.

Основу средних слоев общества составляют либерально- и социально-демократические силы включая рабочий класс. Под национально-патриотическим знаменем объединились сторонники консервативных взглядов с различным социальным прошлым. В то же время за пределами официальной социальной системы сформировалась культура мафиозных структур, коррумпированных чиновников и прочих незаконных элементов.

Конкретика данной модели является ее очевидным преимуществом по сравнению с предыдущими моделями: в конце концов, она представляет собой попытку выделить в обществе ключевые группы интересов, опираясь на более четкие представления и богатый опыт социолога, прожившего в России и прекрасно разбирающегося в особенностях ее современного устройства. Тем не менее идентифицируемые ею социальные группы несоизмеримы: Т. Заславская размещает на одной и той же оси государственную политическую элиту и руководителей мафиозных структур. Несколько обобщенной выглядит и ее трехуров-

невая стратификация — вряд ли имеет смысл то, что уборщицы в государственных учреждениях разделяют взгляды и интересы политической верхушки страны, как это показывает модель. Условия формирования интересов и определяющей их культуры остаются недостаточно изученными.

Центральной в анализе Т. Заславской является концепция «акторов», относимых к верхней, средней или нижней страте. Но где, в таком случае, искать саму область их деятельности? И по какому принципу, например, сосуществуют две диаметрально противоположные социальные группы верхней страты (мафия и политическая элита)? Или это все одни и те же люди?

Таким образом, проблемы данной модели условно сводятся к трудностям, связанным с применяемым Т. Заславской подходом, в котором подразумевается, что группы интересов и различные культуры возникают сами по себе. Мы же считаем, что в подобного рода анализ необходимо было бы включить более глубокую историческую составляющую.

Теперь же позволим себе вновь вернуться к двум версиям «перехода», описанным в начале нашей статьи, и попробуем перечислить предпосылки возникновения *good circle*.

О хорошем и о плохом

В самом начале мы поставили перед собой цель — рассказать о «переходных» обществах в контексте модели так называемых *good circles* П. Кеттунена, описывающей развитие скандинавских государств благосостояния. Теперь, когда ситуация в «переходных» странах была проанализирована нами с различных точек зрения, мы делаем вполне обоснованный вывод о том, что в России так и не сложилось никаких предпосылок для формирования данного типа общества. По крайней мере, на сегодняшний день ситуация обстоит именно таким образом.

Прежде всего, в России практически отсутствуют условия, в которых было бы возможным сочетание интересов различных социальных групп. Отчасти это может быть связано с ослаблением профсоюзного движения. Как утверждают С. Эшвин и С. Кларк [Ashwin, Clarke 2002, p. 274], российские профсоюзы лишены возможности близкого сотрудничества с менеджментом предприятий и располагают слишком ограниченной властью вследствие характерного в России корпоративного патернализма, поэтому защита собственных интересов сводится лишь к простой их констатации. Эшвин и Кларк также отмечают сходство профсоюзного движения в России с движением в патерналистской Японии.

За годы социализма, как это ни парадоксально, социальная активность сильно снизилась. В результате в обществе необходимо было создавать новые институты и развивать соответствующую политическую культуру. Возобновление социализма в России сегодня практически невозможно, поскольку общество до сих пор содрогается от тех форм и последствий, которые имел этот строй, несмотря на свои идеалы. Некоторые западные марксисты сегодня еще развивают «новые утопии» [Burawoy 2001; Kennedy 2001; Fuller 2000], однако крайне сложно себе представить, что в какой-либо из страт российского общества их взгляды будут встречены с энтузиазмом.

В России практически не осталось крестьян. Все сельскохозяйственное производство сосредоточено в нескольких крупных предприятиях выгодно привати-

зированных лучших совхозов страны, а потому называть эти хозяйства крестьянскими было бы попросту некорректным. Фактически это уже предприятия пищевой промышленности, включающие в себя целые производственные цепочки, сети дистрибуции и т. д. Мелкие индивидуальные хозяйства в составе коллективных не играют практически никакой социальной или политической роли.

Мелкие предприниматели, которые являются, по существу, основными носителями капиталистической реформы, также представляются достаточно разобщенной группой. Владельцы киосков работают преимущественно по франшизе, и, как правило, это является их второй работой.

Все остальные предприниматели — это крупные собственники: нефтяные и алюминиевые магнаты, владельцы огромных промышленных империй; «капиталисты без капитализма».

Возможно, что предпосылки, которые необходимы для реализации скандинавской модели государства благосостояния, никогда не будут созданы в России. Скорее всего, в ней будет реализован какой-то особый тип социального государства, где сформируются огромные социальные предприятия, в которых основная часть доступных социальных услуг исходит от работодателей (почти так же, как и в Японии), а остальная — от государства [McIntyre 2001]. Развитие системы частного страхования, характерного для развитых западных стран, бесперспективно вследствие чрезвычайно низких доходов основной части населения.

Экономической основой для возникновения *good circle* являются хорошо поставленное производство и развитая система поддержки научных разработок не только и не столько в нефтегазовой отрасли и лесной промышленности, сколько в обрабатывающих и прочих сферах производства. В России же сформировалось то, что условно можно было бы назвать «*bad circle*»: высокая дифференциация доходов населения, растущая бедность, слабое профсоюзное движение и гражданское общество, недоразвитое производство.

Даже несмотря на то, что экономический рост в странах Центрально-Восточной Европы был возобновлен раньше, чем в России, перспективы их дальнейшего движения навстречу развитой скандинавской модели остаются сомнительными. В любом случае, анализ процессов, протекающих в этих странах, стоило бы начинать с идей, изложенных авторским коллективом Г. Эяла. Исторический опыт доказал, что капиталистическая система конкурентоспособнее социалистической, и потому сравнивать их между собой нецелесообразно; однако сегодня в мире сосуществует несколько различных вариантов капитализма, сравнительный анализ которых может оказаться полезным в выборе стратегии дальнейших реформ в «переходных» странах.

Совсем чуждой Центрально-Восточной Европе оказалась «утопия социализма». Слабый рабочий класс неспособен отстаивать собственные интересы за отсутствием какой-либо внятной программы и каналов ее продвижения. Однако это совсем не означает, что механизмы и практики, посредством которых этот класс формируется в восточноевропейском обществе, не заслуживают пристального внимания. Цель социологии и других общественных наук заключается сегодня в исследовании тех предпосылок и методов, которые способствуют созданию полноценного рабочего класса. И необходимо понимать, что данная работа не может сводиться к программам по борьбе с нищетой, проводимых под руководством Всемирного банка и МВФ, равно как и то, что усилия по восстановлению рабочего класса не должны мешать формированию среднего класса.

Как отмечает Эял [Eyal, Szelenyi, Townsley 2001], горстка западных интеллектуалов, начитавшихся Маркса или Троцкого, сегодня вряд ли сможет предложить обществу что-либо интересное и полезное. Однако знание классики — Вебера, Дюркгейма и Маркса — все еще является необходимым в анализе современного капиталистического устройства. Капитализм, как и прежде, основан на частной собственности, относительно свободном наемном труде и государстве, которое регулирует и защищает капиталистические отношения, а также заботится о всеобщем благосостоянии. Так в чем же логика различных вариантов капитализма? Вместо того чтобы сосредоточивать свое внимание на капиталистических структурах, следует лучше разглядеть его основных акторов и выбираемые ими стратегии — рабочий класс, средний класс, буржуазию, крестьянство с их организациями и группами интересов. Основной проблемой в этой связи является риск использования существующих представлений, привязанных к определенным контекстам, которые влияют на наши оценки, делая их слишком оптимистичными или пессимистичными. Грубо говоря, мы предостерегаем от ситуаций, когда в зависимости от применяемых подходов возможно сосуществование двух версий происходящего, и призываем анализировать участников и их интересы в процессе их непосредственного формирования.

Наше утверждение состоит в том, что постсоциализм представляет собой особую социальную формацию, особый процесс, протекающий в соответствии с собственными законами и не имеющий прецедента в Латинской Америке, Азии или Европе. Для того чтобы получить более четкое представление об этих законах и других скрытых механизмах, необходимо иметь полноценную исследовательскую программу со своими теориями, концепциями, моделями и методами.

Перевод с англ. Г.А. Ястребова

Литература

- Abercrombie N., Urry J.* (1983): *Capital, Labour and the Middle Classes*. Hutchinson, London.
- Abrahams R.* (1996): *Women and Rural Development in Contemporary Estonia*. In: Blom, Melin, Nikula (eds): *Between Plan and Market. Social Change in the Baltic States and Russia*. Walter de Gruyter, Berlin.
- Alanen I.* (1998): *Petty Production in Baltic agriculture: Estonian and Lithuanian Models*. In Kivinen, M (ed.): *The Kalamari Union — Middle Class in East and West*. Ashgate, Aldershot.
- Alanen I., Ruutsoo R., Nikula J.* (2001): *The Significance of the Kanepi Study*. In Alanen, Nikula, Ruutsoo, Pöder: *Decollectivisation, Destruction and Disillusionment. A Community Study in Southern Estonia*. Ashgate, Aldershot.
- Ashwin S., Clarke S.* (2002): *Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition*. Palgrave, Basingstoke and New York.
- Łslund A.* (ed.), (1993): *Changing the Economic System in Russia*. St. Martin's Press, New York.
- Łslund A.* (ed.), (1998): *Russia's Economic Transformation in the 1990's*. Pinter Pub Ltd., London.
- Assmuth L., Kelam A.* (eds.), (2001): *The Baltic Sea Islands of Estonia: A periphery in transition*. Estonian Academy Publishers, Tallinn.
- Bahro R.* (1977): *Die Alternative. Zur Kritik des real existierenden Sozialismus*. Europäische Verlagsanstalt. Köln, Frankfurt, Main.
- Brown A.* (ed.), (2001): *Contemporary Russian Politics. A Reader*. Oxford University Press, New York.

- Brzezinski Z.K.* (1990): *Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. Collier Books.
- Burawoy M., Verdery K.* (eds.), (1999): *Uncertain Transition*. Rowman & Littlefield Publishing.
- Burawoy M.* (2001): *Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes*. *AJS*, vol. 106, n:o 4 (January 2001).
- Clarke S., al.* (1993): *What about Workers? Workers and Transition to Capitalism in Russia*. Verso, London.
- Clarke S., Kabalina V.* *Privatisation and the Struggle of Control of the Enterprise in Russia*. Paper for Conference on Russia in Transition: Elites, Classes and Inequalities. Cambridge 15—16.12.1994.
- Cohen S.F.* (2001): *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*, Updated Edition. W.W. Norton & Company.
- Dahrendorf R.* (1990): *Reflections on the Revolution in Europe*. Random House, London.
- Djilas M.* (1957): *Uusi luokka — kommunismin todelliset kasvot*. Gummerrus, Jyväskylä.
- Durkheim E.* (1980): *Uskontoelämän alkeismuodot*. Australialainen toteemijärjestelmä. Tammi, Helsinki.
- Eräsaari R.* (1995): *Hyvinvointivaltion muodonmuutos*. Teoksessa Risto Eräsaari ja Keijo Rahkonen (toim.): *Hyvinvointivaltion tragedia*. Gaudeamus, Helsinki.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* (1998): *Making Capitalism without Capitalists. Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe*. Verso, London.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* (2001): *The Utopia of Postsocialist Theory and the Ironic View of History in Neoclassical Sociology*. *AJS*, vol. 106, n. 4 (January 2001).
- Frydman R., Murphy K., Rapaczynski A.* (1998): *Capitalism with a Comrade's Face*. Central European University Press, Budapest.
- Gaddy C.G., Ickes B.W.* (1998): *Russia's Virtual Economy*. FOREIGN AFFAIRS. September/October 1998 Issue.
- Gaidar Y.* (ed.), (2002): *The Economics of Russian Transition*. MIT Press.
- Fuller L.* (2000): *Socialism and the Transition in East and Central Europe: The Homogeneity Paradigm, Class and Economic Inefficiency*. *Annual Review of Sociology*; 2000. n. 26.
- Henderson K., Robinson N.* (1997): *Post-Communist Politics. An Introduction*. Prentice Hall, Hertfordshire.
- Kagarlitsky B., Clarke R.* (2002): *Russia Under Yeltsin and Putin: Neo-Liberal Autocracy* (Transnational Institute Series). Pluto Press, London
- Kalugina Z.* (2002): *Rural Transformation in Russia: Inconsistencies and Results // Transformation and Diversification Rural Societies in Eastern Europe and Russia*. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo.
- Kennedy M.* (2001): *Post-communist Capitalism, Culture and History*. *AJS*, vol. 106, n. 4 (January 2001).
- Kettunen P.* (2001): *Mitä yhteiskunta tekee Pohjoismaissa? (What Does the Society Do in the Nordic Countries?)* Tiede ja Edistys 4.
- Kideckel D.A.* (1995): *Communities in the East European Transition*. In: Kideckel, D.A. (ed.): *East European Communities. The Struggle for Balance in Turbulent Times*. Westview Press, Boulder.
- Kideckel D.A.* (2001): *The Unmaking of An East-Central European Working Class*. In Hann, C.M. (ed.) *Post-socialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. Routledge, London.
- Kivinen M.* (1998): *Sosiologia ja Venäjä. Hanki ja jää*. Tammi, Hämeenlinna.
- Kivinen M.* (2002): *Progress and Chaos. Russia as a Challenge for Sociological Imagination*. Kikimora Publications Series B: 19, Helsinki.
- Lane D.* (ed.), (2002): *The Legacy of State Socialism and the Future of Transformation*. Rowman & Littlefield, London.
- Lotman J.M.* *Binary Models in the Dynamics of Russian Culture (To the End of the Eighteenth Century)*. In Nakhimovky, A.D. & Stone-Nakhimovsky, A. (ed.): *The Semiotics of the Russian Cultural History*. Ithaka & London.
- Mäki-Kulmala H.* *Vastakohtat vai kaksoset: Tutkimus neuvostomarxismin suhteesta moderniin länsimaiseen rationaalisuuteen*. Väitöskirjan käsikirjoitus 24.1.2003.
- Marx K.* (1974): *Pääoma: Kansantaloustieteen arvostelua*. Edistys, Moskova.
- McIntyre R.* (2001): *The Role of Small and Medium Enterprises in Transition: Growth and Entrepreneurship*. Research for Action 49. Wider, Helsinki.

- Meurs M., Begg R.* (1998): Path Dependence in Bulgarian Agriculture. In: Pickles, J., Smith, A. (eds.): Theorising Transition. The Political Economy of Post-Communist Transitions. Routledge, London.
- Parsons T.* (1966): Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Free Press, New York.
- Parsons T.* (1971): The System of Modern Societies. Prentice-Hall. Englewood Cliffs.
- Rabe B.* (1978): Der sozialdemokratische Charakter: drei Generationen aktiver Parteimitglieder in einem Arbeiterviertel. Frankfurt.
- Rose R.* (1998): Getting things done in an Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia. Studies in Public Policy, n. 304. University of Strathclyde. Centre for the Study of Public Policy, Glasgow.
- Rose R.* (1999): What does Social Capital Add to Individual Welfare? An Empirical Analysis of Russia. Studies in Public Policy, n. 318. University of Strathclyde. Centre for the Study of Public Policy, Glasgow.
- Rostow W.W.* (1960): The Stages of Economic Growth, Cambridge University Press, Cambridge.
- Salminen A., Temmes M.* (2000): Transitioteoriaa etsimässä (In search for a Theory of Transition). Johdatus jälkikommunististen maiden hallinnon uudistamisen lähtökohtiin. Kikumora Publications, Series B: 10. Saarijärvi.
- Shanin T.* (1986): Introduction for: A.V. Chayanov. The Theory of Peasant Economy. The University of Wisconsin Press, 1986.
- Shorrocks A., Kolenikov* (2001). Poverty Trends in Russia during the Transition. World Institute for Developmental Economics Research, Helsinki.
- Slapentokh V.* (1989): Public and Private Life: Changing Values in Post-Stalin Russia. Oxford University Press, New York.
- Stark D.* (1996): Recombinant Property in Eastern European Capitalism. AJS 101:4.
- Stites R.* (1989): Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford University Press, New York.
- Spoon M., Visser O.* (2001): The State of Agrarian Reform in the Former Soviet Union. Europe-Asia Studies, vol. 53, n. 6.
- Sutela P.* (1994): The Economic Transition in Russia. In Piirainen (ed.) Change and Continuity in Eastern Europe. Dartmouth, Aldershot.
- Szelenyi I.* (1988): Socialist Entrepreneurs. Embourgeoisement in Rural Hungary. University of Wisconsin Press, Madison.
- Sztompka P.* (1993): Civilizational Incompetence: The Trap of Post-communist Societies. Zeitschrift für Soziologie 22.
- Töttö P.* (1991): Werner Sombart ja kiista kapitalismin hengestä. Vastapaino, Tampere.
- Transition — The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the former Soviet Union. The World Bank, 2002.
- Wedel J.* (1998): Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe 1989-1998. St. Martin's Press, New York.
- World Bank (2000): Making Transition Work for Everyone. Poverty and Inequality in Europe and in Central Asia. Washington D.C.
- World Bank (2002): Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and for the former Soviet Union. Washington D.C.
- Woslensky M.S.* (1980): Nomenklatura. Die Herrschende Klasse der Sowjetunion. Verlag Fritz Molden, Wien.
- Zernov N.* (1958): Idän ortodoksinen kirkko. Kuopio.
- Госкомстат России (2001): Российский статистический ежегодник. Москва.
- Заславская Т.* Структура российского общества через призму трансформационного процесса. Международная научная конференция «Дифференциация и консолидация общества в период трансформации». Москва. 14—15 ноября 2002 г.